

Высокопреосвященнейший
ФИЛАРЕТ (Вахромеев),
Митрополит Минский и
Слуцкий, Патриарший Экзарх
всех Беларуси

МДА, кандидат богословия—1961, доктор honoris causa университетов: Галле (ГДР)—1983, Братиславы—1986, Праги—1986, Пряшева, Белгос-университета—1993, Гродненского госмедуниверситета—2001, Свято-Владимирской Академии (Крествуд, Нью-Йорк, США)—2002, Свято-Сергиевского богословского института (Париж)—2003; Варшавской Теологической Христианской Академии—2008, профессор—2000, доктор богословия—2003.

Сердечно приветствую всех вас, достойные участники и организаторы очередной международной конференции, которая проводится Институтом религиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций при Синоде Белорусской Православной Церкви и Христианским образовательным центром имени святых равноапостольных Мефодия и Кирилла.

Наша нынешняя встреча посвящена весьма сложной и ответственной теме. Успех её зависит от того, насколько своевременным окажется для нас самих, для наших верующих — христиан и иудеев, — а также для всего современного общества реальное, практическое и деятельное сопоставление двух исторических смыслов, которые объединены в названии нашего доклада: «Христиане и иудеи: воля к диалогу»

История христианско-иудейских отношений уходит корнями во времена библейские. Их предвидением дышат книги пророков, их предчувствием звучит Псалтирь. Завершающий аккорд этих отношений предвозвещён книгой Апокалипсиса и предварён откровением святого апостола Павла в его Послании к Римлянам, о чём ещё будет сказано.

Впрочем, внимательный богословский взгляд ещё в третьей главе Книги Бытия остановится на обетовании Творца о «семени жены», которое поразит искушителя в главу (см.: Быт. 3: 15). Ожидание Того, в Ком обретёт плоть «семя жены», лежит в основании иудейского

*Доклад Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета на международной конференции «Христианско-иудейский диалог: религиозные ценности как основа взаимоуважения в гражданском обществе в условиях глобального экономического кризиса»

вероисповедания, а Его почитание — в основании христианской веры.

И здесь, как и во всем историческом комплексе христианско-иудейских отношений, единство и противоречие неразрывно соседствуют, представляя собой, пожалуй, самый загадочный, самый трагичный и одновременно полный надежды казус — во всем смысловом богатстве этого многозначительного термина¹.

После грехопадения наших прародителей мы живём в очень хрупком и уязвимом мире, наполненном конфликтами и противостояниями. С библейских времен этот мир жаждет любви и гармонии, — но не той гармонии, которая уходит корнями в борьбу и противостояние, а той, которая имеет своим фундаментом любовь, тишину и умиротворение.

Привносить в мир такую гармонию, распространять её в среде человеческого рода призвана наша вера в Единого Истинного Бога.

Поэтому мне хотелось бы подчеркнуть, что не только настоящая конференция, но и весь комплекс наших отношений призваны представлять собой именно диалог. И с этой целью позвольте уточнить отличие диалога от спора и от научной дискуссии.

Еще в эпоху высокого эллинизма Сократ и Платон противопоставили софистике — диалектику в смысле искусства ведения диалога. Диалог — это встреча равноправных участников, взаимно открытых и стремящихся глубже и полнее понять друг друга и самих себя. Разумеется, у межрелигиозного диалога есть свои особенности. Но если для любого диалога гармония представляется более интересной и продуктивной фор-

мой, нежели конфликт, то тем более это касается сферы религиозной.

Приведём пример из жизни американского врача-генетика, руководителя проекта генома человека Френсиса Коллинза. Приехав в Нигерию, чтобы помочь больным и изнурённым людям, он впал в депрессию. Оказав на свой страх и риск помощь умирающему молодому крестьянину, он подумал, что тот всё равно не выживет в таких условиях. Однако нигериец, заметив его сомнения, сказал: «У меня такое чувство, что Вы спрашиваете себя, зачем Вы приехали сюда. Я знаю ответ. Вы приехали сюда ради меня». Так и мы пришли сюда друг ради друга. Протянуть руку другому и проявить добрую волю к взаимопониманию — это первый необходимый шаг к признанию, к пониманию, к прощению и к принятию другого человека как Божественного дара.

Для конструктивного межрелигиозного диалога христиан и иудеев необходимо глубокое богословское осмысление истории наших взаимоотношений. Иначе груз прошлого будет по-прежнему сковывать речь и препятствовать нашему взаимопониманию.

Существует ряд весьма болезненных тем, для обсуждения которых необходимы живые и открытые встречи христианских и иудейских религиозных деятелей. Это касается и вопроса о совместном свидетельстве, и темы спасения, и отношения к Священному Писанию, и восприятия личности Иисуса Христа, и темы взаимного соотношения Израиля и Церкви, и вопроса о религиозной миссии, и темы антисемитизма, и, наконец, очень важного вопроса о нашей общей ответственности в гражданском обществе за сохранение высших ценностей перед лицом кризисных явлений.

Мы должны признать: в течение долгого времени христиане старались не обращать внимания на тот факт, что Израиль продолжал жить и после падения Северного Царства, и после Вавилонского пленения, и после второго разрушения Иерусалимского храма, и по рассеянии иудеев по лицу земли.

Неприязненное отношение к иудеям, позднее названное антисемитизмом, существовало уже на ранней стадии христианства. Неприязненное отношение со стороны синагоги к первым христианам как деструктивной секте способствовало негативному отношению к иудеям со стороны христиан.

Взаимная враждебность была связана в первую очередь с различным богословским пониманием Божественного Откровения. При этом не следует забывать, что антииудаизм как явление существовал ещё в языческом, дохристианском мире и был связан с нонконформизмом иудеев, который особо остро проявлялся в отношении к Римской империи, стремившейся унифицировать всё, что было в её составе.

В Средние века недобрый антииудейский дух стал активно закрадываться в сердца нравственно незрелых христиан. Однако эта враждебность не была расистской, как в национал-социализме XX века. В те времена она имела скорее бытовой, психологический и экономический характер.

В целом неприязнь между иудеями и христианами — это болезнь глухоты. На ее развитие, на наш взгляд, повлиял целый ряд факторов.

Во-первых, это специфическое восприятие христианством ветхозаветных корней, связанное с эллинизацией образа веры. Не в последнюю очередь тому

послужила философия Филона Александрийского.

Во-вторых, христианское сознание стало по-новому переосмысливать Тору и все иудейские священные книги, вошедшие в Библию под именем Ветхого Завета. Это переосмысление нередко принимало форму типологического и аллегорического истолкования книг и их содержания исключительно в качестве прообраза новозаветных событий. При этом национальная духовная жизнь Израиля как самобытного народа зачастую игнорировалась.

В-третьих, и на бытовом, и на богословском уровне стало привычным подкреплять неприязненное отношение тем, что иудеи всех времен априори виновны в крестной смерти Иисуса Христа.

В-четвертых, после утверждения христианства в качестве государственной религии Империи, отчуждение между Церковью и синагогой стало развиваться стремительно.

В результате взаимная изоляция христианства и иудаизма углубилась, хотя и не достигла абсолюта. Но, начиная с тех пор, диалог, как правило, подменялся апологетическими монологами. Только в Новое время медленно начинают намечаться улучшения во взаимоотношениях. Однако исторические предрассудки об иудеях, давно показавшие свою несостоятельность, живучи поныне.

Мне бы не хотелось, чтобы мои размышления имели вид христианского самобичевания или, напротив, содержали элементы обличения. И христианам, и иудеям должно быть лучше других известно, что нет обвинителя строже Бога и нет защитника милосерднее Господа.

Поэтому я сошлюсь на авторитет Пре-

мудрого царя Соломона, слова которого остаются актуальны.

«Будучи праведен, Ты всем управляешь праведно, почитая не свойственным Твоей силе осудить того, кто не заслуживает наказания, — обращает он свои слова к Творцу и продолжает: — Ибо сила Твоя есть начало правды, и то самое, что Ты господствуешь над всеми, располагает Тебя щадить всех» (Прем. 12: 15–16).

Как бы ни складывались исторические судьбы иудеев и христиан, мы все призваны Творцом к внимательному взгляду на самих себя, к самокритичности не только личного, но и общественного плана. В христианстве покаяние стоит на первом месте среди целей и задач религиозной жизни человека. Ведь покаяние, которое по-гречески называется *κατακλιση*, буквально означает «переосмысление», раскаяние, перемену себя.

После того, как христианство получило официальный статус религии Римской империи и воспоминания о мучениках за веру приобрели формальный характер, христиане забыли, что когда-то и они были гонимы. Именно тогда, в раннем Средневековье, государственно-церковные законы стали приобретать антииудейские черты. К примеру, это были запреты на смешанные браки, на получение иудеями чиновничьих должностей, на строительство или расширение синагог. В Западной Европе иудеям предписывалось носить особое платье, запрещалось занимать официальные должности, выходить из домов в дни Страстной седмицы и так далее.

Обособленность тех и других усугублялась, и внимательный взгляд мог бы увидеть возникновение определённого исторического парадокса: в европейском Средневековье к евреям стали

применяться меры ограничения, соотносимые с теми, исполнения которых требовало от израильтян Синайское законодательство касательно язычников!

Этот парадокс я бы сравнил с событиями из жизни Патриарха Иакова. Разве не Божественный Промысл попустил ему обмануть Исаака и восхитить отцовское благословение, предназначенное Исаву? И была ли сделка ценой в чечевичную похлебку достаточным аргументом в пользу этого обмана? Бог ведь... Но впоследствии сам Иаков был обманут своим тестем, когда вместо возлюбленной Рахили получил в жены Лию, которую не любил. Осознание, что не пристало делать другому то, чего не хотел бы для себя, привело Иакова к покаянию, к примирению с братом и к обретению имени Израиля, которое нарёк ему Господь.

В XIX и на рубеже XX веков практически одновременно оформился ряд антагонистических теорий и непримиримых движений. Их авторами были соответственно Карл Маркс, Жозеф Артур де Гобино, Теодор Герцль.

Сегодня очень нелегко сказать, в какой степени эти движения и идеи подтолкнули одно другое. Но остается фактом, что в силу различных экономических, политических и мировоззренческих факторов в XX веке дело дошло до неслыханного взрыва антисемитизма, проявившегося в национал-социализме. В результате численность евреев в Европе и в мире уменьшилась, ибо погибло около шести миллионов человек.

И здесь мне вспоминается глубокий, смелый и чрезвычайно ответственный образ, найденный известным кинорежиссером Стивеном Спилбергом в финале фильма «Список Шиндлера».

«Куда нам идти? И где достать нам еду?» — задают вопросы оставшиеся в живых и спасшиеся из концентрационного лагеря евреи. «На восток не ходите, там вас ждет много трудностей. Да и на запад не советую...» — отвечает им русский солдат. И вдруг, взмахнув рукой, спрашивает, словно невпопад: «Там что? Какой-то городок?»

Едва ли нужно объяснять, в какой город отправились из разоренной Европы иудеи, чтобы к 1949 году воплотить в жизнь свою многовековую мечту. «Просите мира Иерусалиму» (Пс. 121: 6): этот призыв Псалтири в равной степени актуален и для иудеев, и для христиан.

Но как нацистская идея смогла покорить христианскую Европу? А вернее, как и почему христианская Европа пережила Вавилонское пленение своего ума и сердца? Почему были забыты слова Иисуса Христа: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 40)? Трудный вопрос, доселе не имеющий однозначного ответа... Как, впрочем, и вопрос о том, когда, каким образом и почему Российская империя позволила себе заразиться революционной болезнью и пала в братоубийственной смуте.

Трагедии XX века и напряжённая хроника этого столетия ставят перед народами весьма сложную и ответственную задачу поиска точных ответов на отнюдь не риторические вопросы истории. Так и задачей современного диалога между христианами и иудеями, с одной стороны, является перемена взглядов на прошлые предрассудки и исторические ошибки. С другой стороны, целью нашего диалога является духовное обращение к живой беседе, направленной не на отказ от собственных ценностных позиций, а на взаимное понимание

религиозных принципов, социальных идей, исторической логики друг друга.

Именно поэтому ни тем, ни другим уже не позволительно рассматривать историю сосуществования христиан и иудеев лишь с отрицательной стороны. Ведь столетия, прожитые вместе, были также и временем взаимного культурного и интеллектуального обогащения. И оно было тем продуктивнее, чем меньше взаимных предрассудков стояло между иудеями и теми европейскими народами, в среде которых они жили и живут. Предпосылки для понимающей беседы между иудеями и христианами сегодня значительно лучше, чем в прошлые эпохи.

В XX веке христианское богословие освободилось от абстрактного восприятия Ветхого Завета. Ныне оно указывает на единство Ветхого и Нового Заветов в понимании Бога и человека. Ветхий Завет уже не интерпретируется лишь как аллегория Нового Завета. Надежда на грядущее эсхатологическое Царство Божие осознается многими христианскими богословами как мост между христианским и иудейским образами веры.

В свою очередь, богословие иудаизма в XX веке не делает своей исключительной доминантой дух ригористической этики. Не только Талмуд, но и вся Библия стала предметом богословского дискурса. Иудеи вместе с христианами стали проводить совместные исследования Ветхого Завета. Ими анализируется родственность иудейского и христианского богослужения. В отношении личности Иисуса Христа стихает прежняя неприязнь. Богословы стали говорить об общих для иудаизма и христианства ценностях. Великие умы еврейского народа — Эдит Штайн, Мартин Бубер, Франц Розенцвейг, Лео Бэк, Макс

Брод, Ганс Иоахим Шёпс, Шалом Бен-Хорин и многие другие — в XX столетии стремились сделать религиозно-философские концепты иудаизма более понятными для христиан.

Диалог христиан и иудеев, если это не формальное мероприятие, должен строиться на священных для обеих религий книгах Писания. Это нелегко, потому что непонимание между христианами и иудеями проходит сквозь Библию, состоящую из двух Заветов с двумя образцами веры. При этом одни ориентируется лишь на первый, а другие — на второй, через который они воспринимают первый.

Но нам невозможно обойти стороной главный камень преткновения во взаимопонимании. Для христиан вспоминаются слова царственного Псалмопевца Давида: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла: это — от Господа, и есть дивно в очах наших» (Пс. 117: 22–23). Обоюдное непонимание вызвано образом Иисуса Христа как предвозвещённого Мессии, Его крестной смертью и Воскресением.

Между Новым и Ветхим Заветом стоит крест, который не разделяет непримиримо книги Библии, но связывает их в единство истории Откровения Божия. Эта тема активно звучит в Посланиях апостола Павла, ученика равви Гамалиила.

Апостол Павел указывает общине христиан Рима, что израильтянам «принадлежат усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки» (Рим. 9, 4–5). Всё это сохраняется за иудеями, даже если они не признают Иисуса Мессией.

Бог, Который в Иисусе из Назарета новым образом действовал по отношению к Своему народу и о Котором возвещал апостол Павел, — это не Кто иной как Бог Авраама, Исаака и Иакова. Христианская Церковь никогда не имела намерения осуществлять миссионерскую деятельность среди иудеев, потому что именно к иудеям в первую очередь была обращена евангельская весть; потому что Израиль верил и верит в Единого Истинного Бога, услышав Слово Божие задолго до новозаветных времен.

Христианство уповает на силу благодати для всякого, кто верует в Единого Истинного Бога. «Дары и призвание Божие непреложны» (Рим. 11: 29), — подчеркивает апостол Павел. Он констатирует, что хотя народ Израиля в большинстве своем не воспринял весть Иисуса Христа, «но не то, чтобы слово Божие не сбылось» (Рим. 9: 6). «Неужели Бог отверг народ Свой? — задает вопрос апостол Павел и отвечает: — Никак... Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал» (Рим. 11: 1–2). Израиль не истёрт из божественного спасительного плана.

Однако христиане считают, что Божии обетования и избранничество Израиля не действуют автоматически спасительно и не являются формальной прерогативой любого израильтянина. Бог избирает и отвергает свободно, по Своей благодати, любви и праведности, не отказываясь от замысла вести Израиль ко спасению. Для нас Крест Христов обличает всякое человеческое самомнение и самоуверенность. Он обличает кажущиеся достаточными для спасения дела как неблагочестивую иллюзию благочестивого человека.

Всякое самопревозношение, всякое пренебрежение к другому человеку, всякая насмешка над святыней иного народа

не соответствуют нормам христианской морали и опыту христианской духовности. Не людям принадлежит право судить, но одному Богу.

Поэтому апостол Павел обращается к христианам из язычников со следующими словами: «Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишься перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя» (Рим. 11: 17–18). Все предстоит суду Божию, и каждый остается привитым народу Божию благодаря своей вере, полагаясь не на себя, свои дела и свои собственные силы, а на Бога и Его благодать (Рим. 11: 19–22).

Поэтому христианское богословие и воспринимает иудаизм диалектически. Благодать Божия может оправдать и спасти христиан, подобно тому как иудеев, и спасти иудеев, подобно тому как христиан. Милосердие Божие объемлет всё человечество, «ибо всех заключил Бог в непослушание, — подчеркивает апостол Павел, — чтобы всех помиловать» (Рим. 11: 32).

Сегодня можно наблюдать весьма отчаянные для христиан знаки понимания со стороны еврейских мыслителей. Например, у Шалом Бен-Хорина говорится: «Чем дальше я продвигаюсь по пути жизни, тем всё более я приближаюсь к образу Иисуса. Он стоял на каждом повороте этого пути и всегда задавал мне вопрос из Кесарии Филипповой: «Кто я?»²... Вновь и вновь встречаю я его, и вновь и вновь вступаем мы в диалог,

основанный на общности иудейских корней и иудейской надежды на Царствие... Когда на пасхальной вечере я поднимаю чашу и преломляю пресный хлеб, то я поступаю так же, как делал он, и я чувствую себя даже ближе к нему, чем многие христиане...»³

Израиль остаётся свидетелем Живого Бога, и потому христиане должны вступать в направленный на взаимопонимание диалог с ветхозаветным народом Божиим. Со стороны апостола Павла этот диалог не был закрыт: он доселе остаётся открытым. У Израиля и Церкви есть общая основа: обоих ведет сквозь историю с её «синайскими пустынями», «вавилонами» и «ханаанами» Один и Тот же Бог. Сегодня нам нужны не теоретические дебаты, а живой диалог веры, свидетельствующий о духовном основании нашей надежды на спасение.

Доверяем ли мы друг другу? Убедительна ли наша жизнь в вере друг для друга? До сих пор нам трудно сказать: «Да»...

Но надежда наша не должна умирать, потому что даже в самые тёмные времена нашей общей истории не переставали звучать огненные слова: «Кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь» (Рим. 11: 34–36).

+ Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси